

Научная статья
УДК 122/129+304.9
doi: 10.17223/15617793/478/7

Утопия в поисках субъекта, субъект в поисках утопии

Анастасия Павловна Фоменко¹

¹ Томский государственный университет, Томск, Россия, anastasy.ftd@mail.ru

Аннотация. Центральным понятием статьи является понятие утопии как оптимистического образа достижимого в будущем общественного устройства. В контексте все острее переживаемого кризиса утопий поднимается вопрос о факторах их возникновения. В качестве ключевого фактора называется наличие субъекта. Последовательное рассмотрение субъекта в его трех возможных ролевых аспектах по отношению к утопии с поправкой на современные социальные и философские реалии обнаруживает дополнительную проблему на пути выхода из утопического тупика.

Ключевые слова: конец утопии, постмодернизм, «смерть» субъекта, будущее, кризис развития, социальная утопия, субъект утопии, общество потребления, новый человек

Для цитирования: Фоменко А.П. Утопия в поисках субъекта, субъект в поисках утопии // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 58–63. doi: 10.17223/15617793/478/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/7

Utopia in search of the subject, the subject in search of utopia

Anastasiya P. Fomenko¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, anastasy.ftd@mail.ru

Abstract. The central concept of this article is the idea of utopia as an optimistic image of a societal order achievable in the distant future. Tracing the process of gradual decline in the emergence of new positive utopias through examples of literary dystopias over the last century, the author proceeds to discuss the topic of the end of utopia. The idea is that, despite its long existence, it is only recently that the absence of new models for a happy future becomes critical, that utopia begins to be recognized as a problem. In this regard, the author proposes to temporarily shift researchers' attention from the already fairly well developed matters of the characteristic features, signs, and functions of utopias of past centuries to factors contributing to the formation of social utopias in culture. Most theorists point to active transformational processes in societal structures and relationships as a factor stimulating the emergence of new utopian ideas, which the author admits to being true, but insufficient. An equally important factor is the obligatory presence of a certain subject of utopia. At closer examination, it seems that the status of the subject of utopia in the contemporary world is largely problematic for many reasons, unlike the subject of classical utopias of the modern era. Firstly, the idea that any utopian project could be brought to fruition raises serious concerns. Secondly, the tendency to perceive utopia as a naive project significantly reduces the degree of its possible influence on the way of thinking and the direction of social change. Thirdly, the lack of clarity about the subject's qualities required to create utopias hinders active creativity regarding new utopian projects. This, in turn, is directly related to the ongoing unresolved problem of the "death" of the subject, brought forth by postmodern philosophers. Against this background, there is a notable inconsistency of contemporary attitudes, which are focused, on the one hand, on the debunking of the subject as an exclusively rational being, and, on the other, on the rationalization of utopian impulses. In conclusion, the author puts forward a thesis about the need to regard the absence of utopia and the absence of a subject as causally interrelated situations. Finally, an idea is proposed about the priority of solving the problem of the subject in comparison with the problem of the end of utopia, or, in other words, about the impossibility of starting the process of forming new utopias until there is clarity about the figure of the new subject and the image of the new person.

Keywords: end of utopia, postmodernism, "death" of subject, future, development crisis, social utopia, subject of utopia, consumer society, new man

For citation: Fomenko, A.P. (2022) Utopia in search of the subject, the subject in search of utopia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 58–63. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/7

По историческим меркам еще не так давно люди увлеченно придумывали картины желаемого ими об-

щественного устройства, и неизменно вселявшие надежду утопии появлялись в культуре одна за одной.

Начиная с XVI в. и вплоть до начала XX в. такие авторы, как Т. Мор, Т. Кампанелла, Ф. Бэкон, Ш. Фурье, К.А. Сен-Симон, Э. Кабе, Р. Оуэн, Э. Беллами, В. Моррис, создавали утопические тексты, в которых будущее представало в самых светлых красках. В первой половине прошлого столетия в зените славы оказались антиутопии. Несмотря на то, что описываемые ими вымышленные общества рисовались в крайне мрачных тонах, в них все еще находилось крохотное место для надежды и в них все еще теплилась маленькая утопия. Такими островками счастья были старинный дом и пространство за стеклянной стеной у Е. Замятина [1], резервация и неосвоенные леса за кольцевым шоссе у О. Хаксли [2], комната старьевщика у Дж. Оруэлла [3], поселения на противоположном берегу реки и старая ферма у К. Воннегута [4], заброшенная железная дорога и леса за городской чертой у Р. Брэдбери [5]. Это были территории спасения, пристанища для героев, в которых им удавалось о другом мечтать и по-другому быть. Примерно с середины XX в. даже от такой утопии не остается и следа. В финале поначалу кажущегося оптимистичным «Острова», написанного в 1960 г., небольшое утопическое государство оказывается взято силой – силой большого, грозного, вооруженного внешнего мира [6].

Некоторым исследователям свойственно оценивать этот контрастный переход от преисполненных энтузиазмом фантазий о гарантированном социальном благополучии к ощущению полной бесперспективности и безысходности как эволюцию утопии и ее форм [7]. В качестве примера таких новых форм, помимо антиутопии, они приводят альтернативную историю, ролевые компьютерные игры и даже киберпанк, которому в целом как жанру никогда не было характерно обещать хоть сколько-нибудь позитивный исход для своих персонажей. Однако если все-таки не игнорировать этимологию термина, сконструированного так, чтобы обозначать страну благодатную, но не существующую, достаточно быстро свершившееся превращение утопии в собственную противоположность вряд ли можно назвать эволюцией. Гораздо логичнее было бы согласиться с Г. Маркузе [8], который спустя несколько лет после публикации «Острова» поставил вопрос о конце утопии, и Ж. Бодрийяром, который тогда же впервые назвал общество потребления открытием «эры реализованной утопии и конца истории» [9. С. 246].

Общепринятым является ассоциировать этот конец истории и утопии с философией постмодернизма, которую также считают ответственной за стоящие с ним в одном ряду конец социального и «смерть» человека, автора и субъекта. Что примечательно, не все кризисы в этом списке вызвали в культуре резонанс одновременно. Так, например, проблема «смерти» субъекта практически сразу спровоцировала шквал обсуждений и привела к тому, что появилась целая серия попыток зарубежных и чуть позже отечественных философов вернуть классического субъекта, восстановить его в правах или построить альтернативную модель субъекта на обновленных основаниях. Эта тенденция была обозначена как воскрешение, реабили-

литация, реставрация субъекта и не изжила себя до сих пор. Хотя, надо заметить, несмотря на то, что сегодня по-прежнему сложно найти в специальной литературе источник, который при рассмотрении вопроса о субъекте не упоминал бы кризис, приключившийся с ним полвека назад, былой ажиотаж вокруг некогда модной проблемы все-таки стих.

Несколько иначе обстоят дела с утопией. Нельзя сказать, что она была совсем позабыта теоретиками или существенно обделена вниманием с их стороны. Напротив, с 1970-х гг. за рубежом начала формироваться междисциплинарная область знания, получившая название «utopian studies» (утопические исследования) и на сегодняшний день находящаяся на пике своего развития. Что касается философской рефлексии на тему утопии в современной России, то она еще только становится [10]. Вместе с тем общей для западных и российских авторов на протяжении ряда лет была и остается склонность анализировать конкретные утопические произведения минувших эпох, обобщать свои наблюдения в виде многообразных классификаций утопии, а также ранжировать ее сущностные признаки и социально значимые функции. При этом в последние годы отечественные философы все чаще сокрушаются о том, что новых и современных утопий в полном смысле этого слова, к сожалению, нет. Так, например, А.Л. Никифоров свой обзор доминирующих в XXI в. сценариев общественного развития завершает словами: «Каждый век создавал свои утопии, свой образ будущего, к реализации которого звал человечество. <...> XX век оказался способен лишь на угнетающие антиутопии. Может быть, начавшееся столетие задаст новый светлый идеал, стремление к реализации которого вновь наполнит высоким смыслом нашу жизнь?» [11. С. 93].

Однако одного признания теоретиков, что новые утопии оказались бы полезными и пришлось бы сейчас к месту, еще недостаточно для того, чтобы обеспечить их возникновение. Подобные признания звучат уже какое-то время, но новых утопий все равно не появляется. Более того, часть исследователей, будто окопавшись в прошлом, до сих пор продолжает писать об утопии так, как если бы отсутствие у молодого третьего тысячелетия собственных утопических фантазий не являлось существенной проблемой, как если бы никакого кризиса никогда и не было или как если бы он не обладал достаточной степенью значимости и масштаба. Это позволяет заключить, что на протяжении довольно долгого времени пафос возрождения и возвращения утопии в культуру был заметно менее велик по сравнению с вопросом о статусе субъекта, а также высказать утверждение о том, что сегодня наблюдается своего рода перестановка приоритетов, когда одновременно с затуханием интереса к субъекту постепенно нарастает интерес к утопии.

На фоне того, как все большее и большее количество авторов осознает кризис утопии как реальный, становится очевидно, что популярная исследовательская стратегия по перечитыванию и каталогизации утопических текстов многовековой давности вряд ли сможет радикальным образом изменить сложившееся

положение и справиться с нехваткой новых позитивных утопий. Точно так же и широко распространенный структурно-функциональный подход к изучению утопии, вот уже несколько десятилетий анализирующий все те же критическую, аксиологическую, компенсаторную и другие функции утопического мировидения, обладает гораздо большей эвристической ценностью, когда утопии есть, и меньшей, когда они по каким-либо причинам отсутствуют [12]. В свете этого, возможно, имело бы смысл на какое-то время сосредоточить внимание на вопросе о факторах и условиях появления утопии в культуре.

Подавляющее большинство авторов согласны друг с другом в том, что утопии активно создаются в переходные моменты, когда общество претерпевает серьезные изменения. Тот факт, что современное общество трансформируется и переживает один кризис развития за другим, тоже практически никем не оспаривается. Казалось бы, в этой ситуации новые утопии уже давно должны были появиться. Однако в реальности ничего подобного не произошло. Это дает основания предположить, что социальные изменения и нестабильные состояния системы – важные, но еще недостаточные условия для формирования утопических проектов, а потому необходимо дальнейшее изучение таких условий и, весьма вероятно, дополнение их какими-то другими. В самом деле, стоит взглянуть в этот тезис о перестройке общественных отношений как фундаментальной причине «рождения» утопий. Приход в движение социальных структур, бесспорно, должен играть свою роль, но утопия все же не выпрыгивает сама из толщи событий как рыба из воды. Какой бы старомодной ни была эта идея, а все же утопию кто-то придумывает.

Вопрос о «ктоиности» утопии ставит И.В. Фролова. На примерах текстов уже давно минувших столетий она рассматривает субъектов социальной утопии и распределяет между ними роли следующим образом. Есть тот, кто создает утопию и кому принадлежит авторство той или иной утопической фантазии; есть носитель утопических идей, который не принимает никакого участия в их создании, но способен проникаться ими; и есть их деятельный исполнитель, который берет на себя задачу повести за собой других и совместными усилиями воплотить утопию в жизнь [13]. Поскольку в данном случае И.В. Фролова ведет речь о классических утопиях образца эпохи модерна, эта схема выглядит вполне релевантной. Для указанной поры субъект являлся опорной и смыслообразующей категорией практически во всех познавательных и общественных предприятиях. Гораздо меньшей ясностью и уверенностью в этом вопросе располагает день сегодняшний, ведь для него проблема субъекта пока еще не решена. «Хотя философы работают над этой проблемой давно и плодотворно, формулируя различные варианты выхода из обозначенного кризиса, до сих пор не достигнут консенсус относительно методологических и концептуальных оснований его преодоления. Также не проведена систематизация и обобщение уже разработанных теорий и концепций, предлагающих выходы из кризиса субъекта» [14.

С. 31]. В свете этого приходится констатировать, что если следовать только принципу аналогии, то просто вмонтировать в современные реалии обозначенные выше субъектные позиции всех причастных к существованию утопии вряд ли удастся.

Во-первых, потребность в ком-то, кто занимался бы претворением утопической мечты в действительность, сегодня выглядит довольно сомнительной. Основная причина этого заключается в том, что сама идея о возможности воплощения утопического замысла в жизнь с некоторых пор вызывает большие опасения. С одной стороны, это объясняется грандиозными масштабами организованного насилия, непременно возникающего при попытке построить идеальное общество в относительно короткие сроки. Так, например, подкрепляя свои доводы ссылкой на злключения фашистского и коммунистического режимов в XX в., К. Поппер утверждает, что «утопическая попытка достигнуть идеального государства <...> ведет к диктатуре» при том, что а priori любые «утопические планы невыполнимы в том виде, как они задуманы» [15. С. 202, 206].

Иначе говоря, всяческие амбиции утопии пустить корни в наличном неприемлемы, поскольку это представляет угрозу социуму и с практической точки зрения ни к чему хорошему не ведет. С другой стороны, если верить Ж. Бодрийяру, сама утопия оказывается под угрозой, когда сокращает до минимума расстояние между воображаемым и реальным и превращается в гиперреальность, меняя тем самым свой онтологический статус и лишаясь всего того, что обычно делает ее ею [16]. Таким образом, если запрос на возвращение утопии в современную культуру можно считать относительно сформированным, это все же никак не позволяет сделать вывод о том, что утопия непременно должна перешагнуть границы вымысла и утвердиться в фактичности, а раз последнего от нее не требуется, то не требуется и тот деятельный субъект, который бы отвечал за выполнение этой задачи.

Во-вторых, даже если не затевать спор относительно того, должна или не должна утопия предпринимать конкретные шаги, чтобы здесь и сейчас сделать сказку былью, а сосредоточить внимание на вопросе о субъектах, которые были бы способны как минимум просто воспринять утопические идеи, окажется, что и он является не менее проблемным. С легкой подачи философов-постмодернистов в культуре выработалась привычка рассматривать общество второй половины XX – начала XXI в. преимущественно как общество потребления, в котором основное назначение индивида сводится к тому, чтобы быть покупателем и, соответственно, потреблять. Тем не менее представляется, что у идеологии консьюмеризма, как в принципе у любой теории или концепции, должны существовать свои границы применимости. Например, если субъект сегодня – это потребитель, все ли он может потребить? Если субъект сегодня – это покупатель, на все ли он может, что называется, купиться? В частности, может ли он купиться на утопическое обещание социальной гармонии? В состоянии ли он «потребить» идею утопии, т.е. всерьез вос-

принять ее как нечто желанное, нужное и полезное для себя? Было бы крайне интересно посмотреть на результаты специальных социологических исследований, которые задавались бы целью выявить характер общественных настроений по этому поводу. Однако исследования, затрагивающие данную тематику, к сожалению, немногочисленны и, судя по вопросам, которые они адресуют респондентам, имеют к обсуждаемой здесь проблеме косвенное отношение, поскольку фокусируют свое внимание не столько на альтернативных картинах желаемого и пока не существующего будущего, сколько на оценках уже имеющегося политического режима и сложившегося материального положения [17]. В отсутствие иной научным образом верифицированной эмпирики остается лишь высказывать предположения с опорой на эмпирику субъективную, а она подсказывает, что на фоне тотального засилья гипотез о неизбежности разного рода катастроф озвучиваемый теоретиками запрос на позитивный проект социального развития парадоксальным образом вряд ли сможет гарантировать последнему в случае его появления сколько-нибудь радужный прием. Складывается впечатление, что сегодня оптимистичное настроение, не сопровождающееся выявлением разного рода недостатков, противоречий, угроз и не заканчивающееся высказыванием серьезных опасений, с высокой долей вероятности той же самой культурой, которая сформировала на него запрос, будет оценено как подозрительное или глубоко наивное, а потому воспринято в штыки. Следовательно, для того, чтобы с полным правом говорить о субъекте в статусе носителя утопических идей современности, пока тоже не находится существенных оснований.

Наконец, нет ясности и относительно того, какими качествами должен обладать сегодня социальный субъект, чтобы быть способным создавать утопию. До тех пор, пока субъект мыслился как *cogito*, утопии не воспрещалось быть фантазийной, счастливой, амбициозной, дерзкой, бредовой. С приходом философии постмодернизма парадигма сменилась. Представление о том, что человек – это мастер и хозяин своего разума, сместила с пьедестала установка на включение его иррациональных качеств во все, к чему тот прикладывает руку. Пленение субъекта его бессознательным, желанием, властью и языком стало новой нормой. Любопытно здесь то, что уже устоявшееся требование избегать абсолютизации рационализма при рассмотрении субъекта и той культуры, частью которой он является, по каким-то причинам не распространилось на утопию. Например, И. Валлерстайн убежден, что современному миру нужно такое утопийское, которое является трезвым, строго рациональным и обязательно коррелирует с научными законами, фактами и расчетами [18. С. 8]. Многие отечественные авторы из числа тех, кто ратует за возвращение утопии, точно так же согласны включить вопрос о ней в повестку дня только при условии, что она примерит на себя «образ рационализаторского мышления» [19. С. 38]. Отмечаемая и поощряемая исследователями тенденция сближения утопии с прогностикой и научным

планированием вплоть до их неразличимости зачастую оценивается позитивно именно по той причине, что так из утопии устраняется субъективный и иррациональный произвол. Получается, что чем менее «разумным» и все более эфемерным предстает для эпохи субъект, тем менее мечтательной и все более «разумной» должна делаться утопия. Однако даже если утопия сможет переобуться на ходу, чтобы удовлетворить этим требованиям, будут ли в таком случае ее прогнозы относительно судьбы каждого отдельного общества и мирового сообщества в целом принципиально отличаться от тех неутешительных и тоже построенных в соответствии с непредвзятыми научными расчетами прогнозов, которые дает глобалистика? Разве чаяния современных философов о том, что переломить ситуацию может появление новых надежд и утопий, не вызваны к жизни как раз тем, что сугубо рациональный инструментарий не в состоянии помочь разглядеть оптимистичное будущее на линии горизонта? По всей видимости, в настолько сухом здравомыслии исключительно «умной» утопии нет особенной надобности. Скорее, наоборот, есть вероятность, что гораздо больше пользы сегодня смогла бы принести та утопия, в которой бы еще оставалась хорошая доля безумия. Это, конечно, не значит, что теперь нужно стремиться с доподлинной точностью восстановить утопию в том виде, в каком она оставила наиболее яркий след в истории, но это как будто дает подсказку, что именно этот ее мечтательный, фантазийный и субъективный вектор был сравнительно истиннее, вернее. Отсюда, в ситуации, когда буквально «воскрешение» новейшего европейского субъекта как исключительно мыслящего *cogito* практически никому не представляется возможным или сколько-нибудь нужным, перед философией встает вопрос о том, какими иными свойствами и качествами должен обладать субъект, чтобы оставаться способным придумывать подобного рода утопии.

Итак, в отличие от предыдущих столетий, сегодняшние реалии не позволяют дать простой и позитивный ответ на вопрос о «ктойности» социальной утопии. В имеющихся обстоятельствах субъект утопии в качестве того, кто деятельно претворяет образ желаемой социальности в действительность, оказывается опасен и не нужен; субъект утопии в качестве носителя конкретных идей о счастливом будущем – невозможен; субъект утопии как генератор этих идей и создатель картин гармоничного человеческого сосуществования – потерян, неясен, непредставим. Коротко говоря, на данный момент субъект утопии является отсутствующим, а утопия предстает по существу бессубъектной. При этом если с потерей первых двух субъектных ролей можно смириться, поскольку они хотя и обедняют, но все же не отменяют существования социальной утопии как феномена культуры, то исчезновение субъекта, создающего утопический мир в своем воображении, заводит все рассуждения о перспективах появления новых и современных утопий в тупик.

Для того чтобы выйти из этого тупика, как нам кажется, необходимо вновь обратиться пристальное

внимание на фигуру и место субъекта как в уже сложившихся, так и в еще только складывающихся общественных отношениях, на образ человека в обозримом и необозримом будущем. Это соображение не отличается большой оригинальностью. Еще полвека назад Г. Маркузе, объявляя о конце утопии, писал, что нужна новая теория человека, который бы не воспроизводил в своих отношениях с другими репрессивность общества и которого мотивировали бы к действию совсем иные представления и потребности, отличные от тех, что препятствуют имеющимся возможностям изменить жизнь к лучшему [8. С. 20]. В том же духе уже на исходе второго тысячелетия рассуждал Ф. Аинса, когда в своем эссе приводил цитату из «Шестивия утопий» Освальда де Андраде. По мнению бразильского поэта, на которого он ссылался, новые утопии точно так же «появляются вследствие <...> открытия “нового человека”» [20. С. 177]. Отсюда совершенно очевидно, что сама идея о связи между проблемой утопии и проблемой субъекта не нова, тем не менее, как кажется, эта идея нуждается в напоминании о себе именно сейчас, когда обостряется первая упомянутая проблема и несколько забывается, отходит на задний план вторая.

Таким образом, судя по многочисленным данным и построенным на их основе прогнозам, регулярно

предоставляемым научным сообществом, современные социальные отношения и процессы, разворачивающиеся как в российском, так и в мировом масштабе, с высокой долей вероятности ведут к трагическому финалу. В связи с этим формируется и все более ясно осознается потребность в коренных изменениях. По этой причине достаточное количество исследователей в XXI в. приходит к убеждению, что «интеллектуальный вызов сегодняшнего дня – дать обществу утопию, без которой оно не может развиваться», то есть «обрисовать достижимый и желательный образ будущего <...>, к которому стоит стремиться» [21. С. 246]. Все острее обозначая себя проблема отсутствия этих принципиально важных позитивных сценариев развития современного общества, сколько бы авторы не превозносили актуальность и значимость последних, не может быть решена до тех пор, пока не будет затребован и концептуально оформлен субъект утопии, выступающий как одно из ключевых условий ее появления. В свою очередь, вопрос о субъекте утопии не может быть рассмотрен и решен вне зависимости от проблемы субъекта как таковой. Как это ни эгоистично и ни парадоксально, но перед лицом глобальных угроз существованию всего живого главным и первоочередным по-прежнему остается старый как мир вопрос человека о самом себе, о том, чего он хочет и каким сам себя видит и представляет.

Список источников

1. Замятин Е. Мы. М. : Эксмо, 2009. 608 с.
2. Хаксли О. О дивный новый мир / пер. с англ. О. Сороки. М. : АСТ, 2017. 350 с.
3. Оруэлл Дж. 1984 / пер. с англ. В. Голышева. М. : АСТ, 2018. 318 с.
4. Воннегут К. Механическое пианино / пер. с англ. М. Брухнова. М. : АСТ ; АСТ МОСКВА ; Транзиткнига, 2006. 381 с.
5. Брэдбери Р. 451° по Фаренгейту / пер. с англ. Т. Шинкарь. М. : Изд-во «Э», 2016. 288 с.
6. Хаксли О. Остров / пер. с англ. С. Шик. СПб. : Академический проект, 2000. 360 с.
7. Шишкин Д.П. Многообразие форм утопии в современной культуре : автореф. дис. ...канд. филос. наук. Ставрополь, 2009. 22 с.
8. Маркузе Г. Конец утопии / пер. с англ. А. Смирнова // Логос. 2004. № 6 (45). С. 18–23.
9. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / пер. с фр. Е.А. Самарской. М. : Республика ; Культурная революция, 2006. 268 с.
10. Суслов М.Д. Утопия как предмет современных исследований на Западе и в России // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2013. № 7 (108). С. 34–41.
11. Никифоров А.Л. Какое будущее ждет человечество? // Философский журнал // Philosophy Journal. 2021. Т. 14, № 3. С. 82–95.
12. Бальчиндоржиева О.Б., Жамьянов Э.Б. Конструктивные функции утопий: социально-философский анализ // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. № 3, Т. 1. С. 23–29.
13. Фролова И.В. К вопросу о «стойкости» социальной утопии: философско-политологические размышления // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17, № 1(1). С. 689–692.
14. Чистилина Т.А. Современные проблемы преодоления кризиса субъекта в социальной философии // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2015. № 1. С. 31–37.
15. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги: в 2 т. / пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. М. : Феникс ; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1.
16. Бодрийяр Ж. Америка / пер. с фр. Д. Калугина. СПб. : Владимир Даль, 2000. 203 с.
17. Немировский В. Г. Социокультурное развитие российских регионов в контексте современной российской антиутопии // Философские науки. 2015. № 8. С. 95–106.
18. Валлерстайн И. Утопийское, или Исторические возможности XXI века / пер. с англ. // Прогнозис. 2006. № 1 (5). С. 8–56.
19. Шатула Т.Г. Дефрагментация понятия утопии // Идеи и идеалы. 2012. Т. 2. № 4 (14). С. 32–42.
20. Аинса Ф. Реконструкция утопии / пер. с фр. Е. Гречаной, И. Стаф. М. : Наследие, 1999. 207 с.
21. Мартыанов В.С., Фишман Л.Г. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. М. : Весь мир, 2010. 256 с.

References

1. Zamyatin, E. (2009) *My [We]*. Moscow: Eksmo.
2. Huxley, A. (2017) *O divnyi novyi mir [Brave New World]*. Translated from English by O. Soroka. Moscow: AST.
3. Orwell, G. (2018) *1984*. Translated from English by V. Golyshev. Moscow: AST.
4. Vonnegut, K. (2006) *Mekhanicheskoe pianino [Player Piano]*. Translated from English by. M. Brukhnov. Moscow: AST: AST MOSKVA: Tranzitkniga.
5. Bradbury, R. (2016) *451° po Farengейtu [Fahrenheit 451]*. Translated from English by T. Shinkar'. Moscow: "E".
6. Huxley, A. (2000) *Ostrov [Island]*. Translated from English by S. Shik. St.Petersburg: Akademicheskii proekt.

7. Shishkin, D.P. (2009) *Mnogoobrazie form utopii v sovremennoi kul'ture* [The Diversity of Forms of Utopia in Contemporary Culture]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Stavropol. (In Russian).
8. Marcuse, H. (2004) The End of Utopia. *Logos*. 6 (45). pp. 18–23. (In Russian).
9. Baudrillard, J. (2006) *Obshchestvo potrebleniya: ego mify i struktury* [The Consumer Society: Myths and Structures]. Translated from French by E.A. Samarskaya. Moscow: Respublika: Kul'turnaya revolyutsiya.
10. Suslov, M.D. (2013) Utopia as a Subject of Modern Research in the West and in Russia. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. 7 (108). pp. 34–41. (In Russian).
11. Nikiforov, A.L. (2021) What kind of future is humanity facing? *Filosofskii zhurnal – Philosophy Journal*. 14 (3). pp. 82–95. (In Russian).
12. Bal'chindorzhieva, O.B. & Zham'yanov, E.B. (2018) The constructive functions of utopias: a socio-philosophical analysis. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (1). pp. 23–29. (In Russian).
13. Frolova, I.V. (2012) On the Question of the “Whoness” of Social Utopia: Philosophical and Political Reflections. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 17:1 (1). pp. 689–692. (In Russian).
14. Chistilina, T.A. (2015) Contemporary Problems of Overcoming the Crisis of the Subject in Social Philosophy. *Vestnik Poleskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk*. 1. pp. 31–37. (In Russian).
15. Popper, K.R. (1992) *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi*, 2 t. [The Open Society and Its Enemies, 2 vols]. Translated from English & edited by V.N. Sadovskiy. Moscow: Feniks: Mezhdunarodnyi fond “Kul'turnaya initsiativa”.
16. Baudrillard, J. (2000) *Amerika* [America]. Translated from French by D. Kalugin. St.Petersburg: Vladimir Dal'.
17. Nemirowskiy, V.G. (2015) Socio-cultural Development of Russian Regions in the Context of Modern Russian Anti-utopia. *Filosofskie nauki*. 8. pp. 95–106. (In Russian).
18. Wallerstein, I. (2006) Utopistics, or, Historical Choices of the Twenty-First Century. *Prognosis*. 1 (5). pp. 8–56. (In Russian).
19. Shatula, T.G. (2012) Defragmentation of the Concept of Utopia. *Idei i idealy*. 2:4 (14). pp. 32–42. (In Russian).
20. Ains, F. (1999) *Rekonstruktsiya utopii* [The Reconstruction of Utopia]. Translated from French by E. Grechanaya, I. Staf. Moscow: Nasledie.
21. Mart'yanov, V.S. & Fishman, L.G. (2010) *Rossiya v poiskakh utopii. Ot moral'nogo kollapsa k moral'noi revolyutsii* [Russia in Search of Utopias. From Moral Collapse to Moral Revolution]. Moscow: “Ves' mir”.

Информация об авторе:

Фоменко А.П. – аспирант кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: anastasy.ftd@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.P. Fomenko, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anastasy.ftd@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.02.2022;
одобрена после рецензирования 01.05.2022; принята к публикации 20.05.2022.

The article was submitted 12.02.2022;
approved after reviewing 01.05.2022; accepted for publication 20.05.2022.